

## ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ АДДИКТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

2009 М.В.Сидорин

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского

Статья поступила в редакцию 20.05.2009

В статье рассматриваются особенности социально-психологических взаимосвязей личности в состоянии аддикции. Отдельно проанализированы особенности людей с наркотической (алкогольной) зависимостью. Отмечается, что социальная адаптация в системе реабилитационных мероприятий занимает центральное положение. Обозначаются актуальные направления современных исследований в данной области.

Ключевые слова: социально-психологические особенности личности, отношение, аддиктивное поведение, социальное пространство, алкогольная зависимость, адаптация.

В условиях современного глобализованного общества деформировались традиционные представления о функционировании личности в системе социальных отношений и способах её адаптации к социальной реальности как таковой. Нам представляется целесообразным рассмотреть способы обращения с реальностью личности, далёкой от социально-психологической нормативности в силу своей аддиктивности, т.к. способы эти в свою очередь выступают в форме целостных многоуровневых паттернов адаптации и определяют путь личностного развития.

С позиций теории Антонио Менегетти, названной им онтопсихологией, личность прибегает к зависимости тогда, когда она уже является зависимой. Это становится следствием постфактум, а не причиной. Человек может решать проблемы в той мере, в которой его научили этому значимые другие. Наиболее эффективное и единственное решение, ведущее к успеху, заключается в «притворном приспособлении к системе при одновременном и постоянном самосовершенствовании, непрерывном движении вперёд»<sup>1</sup>, в принятии ценностей и социальных норм, при этом сохраняя возможность самореализации в границах социальных конвенций собственной внутренней сущности. Однако, большая часть людей считает себя образцом для своих детей, используя их в целях компенсации личностной несостоятельности, сформировав, таким образом, зависимую форму отношений. Образуется замкнутый круг: родители и педагоги не способны внести конструктивное ментальное содержание, вследствие сложившихся за последние десятилетия социокультурных факторов, вырастающие дети занимают их места и так далее. Разрешение проблемы ментальности, продуцирующей аддиктивные формы адаптации, несёт в себе интернет, способный погрузить инди-

вида в принципиально отличную ментальную систему координат и населённую виртуальными персонажами (Лефевр, 1996) В противном случае адаптационные возможности будут снижены и могут послужить основой для внутренне конфликтной и неэффективной системы отношений. Концепция Менегетти незримо перекликается с интеракционистским подходом Т.Шибутани, который понимает систему социальных отношений как «социальную матрицу, состоящую из пяти функциональных единиц: действие, значение, роль, личность, группа»<sup>2</sup>. Следовательно, человек воспринимает свое социальное поле в зависимости от значений, которые имеют для личности различные объекты, приносящие удовлетворение. Социально-психологические отношения выстраиваются так, чтобы избежать фрустрации потребностей и выбрать наиболее подходящий способ завершения действия, за которым следует вторичное приспособление. В этой потребностной цепочке объектом, как правило, выступает психоактивное вещество, что приводит к фиксации аддиктивной модели социального взаимодействия.

Чаще всего под полидетерминированным термином «аддиктивная личность» понимается склонность к зависимости от сложного конгломерата переживаний и отношений, связанная с объектами живой или неживой природы (других людей, фиксированного отношения, интернета, психоактивных веществ и т.п.). Наше понимание природы аддиктивности в контексте социальных отношений наиболее близко к теории психосоциального развития, рамок которой мы и придерживаемся в нашем осмыслении обозначенной проблематики. По мнению Э.Эриксона на разных стадиях развития личности, в ходе которых индивид устанавливает основные паттерны отношений к себе и социальному пространству, происходит отрицательная или положительная маркировка интрапсихического события, которая, в свою очередь, может быть изменена ходом дальнейшей жизни. «Основная задача – интегрировать

<sup>1</sup> Сидорин Михаил Владимирович, психолог Самарского областного наркологического диспансера, соискатель кафедры психологии. E-mail: [mih.sidor@mail.ru](mailto:mih.sidor@mail.ru)

<sup>2</sup> Менегетти А. Система и личность. – М.: 1996. – С. 201.

<sup>2</sup> Шибутани Т. Социальная психология. – М.: 1969. – С. 128.

всё то, что знает о себе человек и спроецировать получившийся образ в будущее»<sup>3</sup>. Если человек может идентифицироваться с новыми паттернами отношений, предполагающими креативность в разрешении кризисов развития, то процесс формирования идентичности будет успешным, в противном случае высоковероятна аддиктивная форма адаптации к кризису и его следствиям.

Проблема аддиктивной личности имеет чрезвычайное социальное, политическое, психологическое и медицинское значение. Ключ к её пониманию лежит в русле принципов компенсаторных реакций, – где бы ни происходили изменения, функционирование многих систем организма направлено на поддержание постоянной внутренней среды, для того, чтобы блокировать перекося и сохранить стабильность. В этом случае возникает компенсаторная реакция, которой нечего противопоставить. В настоящее время существуют различные методы коррекции аддиктивного поведения. Однако количество рецидивов в употреблении психоактивных веществ, в следствии активации факторов привычной социальной среды, оценивается в 70 – 80% (Rosen and Seligman, 1995). Эта среда наполнена знаками, связанными с эффектами снятия тревоги. Например, у наркомана с большим опытом развивается толерантность к влиянию факторов микросоциальной среды, «благодаря компенсаторной реакции, срабатывающей в ответ на множественные знаки привычного социального пространства»<sup>4</sup>.

Наша позиция находит поддержку в трактовке зависимости (аддикции) Д.В.Винникотом стадий формирования социальных отношений раннего детства, когда они формируются и становятся профайлом отношений взрослого человека. Винникот выделяет три стадии зависимости в фазе активной поддержки.

1. *Абсолютная зависимость.* В этом состоянии нет возможности что-либо знать о материнской заботе, которая в значительной мере является профилактической. Невозможно определить, делается это хорошо или плохо. Остаётся лишь извлекать пользу или страдать от нарушений.
2. *Относительная зависимость.* Здесь имеет место возможность выражать потребность в проявлениях заботы и устанавливать более чёткую связь между заботой и собственными импульсами. Позднее, в ходе социальной коммуникации, человек способен продуцировать подобного рода зависимость.
3. *Путь к независимости.* На этой стадии появляется возможность обходиться без реальной поддержки. Это достигается благодаря накоплению воспоминаний о реальной заботе, проекции лич-

ных потребностей и интроекции конкретных проявлений заботы наряду с развитием доверия к внешнему миру. «К паттернам этой стадии следует также отнести и элемент интеллектуального понимания с его специфическими последствиями в ходе развития»<sup>5</sup>.

Достижение последней стадии принципиально важно и является тем, что с точки зрения личности, единственно приносит смысл в поступки и жизнь, – с точки зрения личности, которая достигла в своём развитии определённого пункта и продолжает развиваться от зависимости и незрелости к независимости и способности идентифицироваться со зрелыми объектами здоровой привязанности, не теряя при этом индивидуальной идентичности (Trilling, 1971). Поэтому, важны не интервенции социума, а реакции личности на эти интервенции. Чрезмерная степень подобного реагирования вызывает не фрустрацию, а угрозу дезидентификации. Этот специфический страх и представляет собой настоящую проблему человека, находящегося в состоянии регресса на ступень аддикции.

Джон Боулби подчёркивает, что «психическая связь и разобщение должны рассматриваться как самостоятельные функции, которые совершенно не зависят от того, в какой мере личность в тот или иной момент времени как раз таки и зависит от объекта, удовлетворяющего его потребность»<sup>6</sup>. В процессе поздней социализации различия в том, какие паттерны интернализует личность, обусловлены доминирующими ценностями той или иной конкретной культуры. Современные воззрения относительно механизмов, лежащих в основе процесса социализации, включают в себя теорию подкрепления, теорию социального научения и теорию когнитивного развития.

Социогенный аспект освещаемой нами проблемы заключается в однозначно негативном и отвергающем отношении общества к аддиктивным формам адаптации в действительности. Подобное отношение вносит крайне деструктивный обертон в структуру социально-психологических отношений аддиктивной личности и включает в себя множество иррациональных убеждений, связанных с непониманием сути явления и страхом неизвестного. Закономерным следствием этого становится резкая социальная реакция отторжения аддикта, ведущая к депривации социальных контактов и продуцирующая поиск средств защиты от напряжения, дискommunikации и ухода из травмирующей реальности. Особенно это справедливо в отношении наркомании. «Единственная среда, где наркомана принимают без упрёков, агрессии и отторжения и где он может хоть как-то функционировать, – это среда, в которой господствует культура потребления наркотиков и других

<sup>3</sup> Эриксон Э. Идентичность, юность, кризис. – М.: 1996. – С. 84.

<sup>4</sup> Siegel A., Demetrikopoulos M.K. Classical conditioning, drug tolerance and drug dependence. – San Diego: Academic Press, 1991. – PP. 99 – 127.

<sup>5</sup> Winnikott D.W. Letter to me. Jeannine Kalmanovitch. – London: Tavistock, 1971. – S. 205 – 215.

<sup>6</sup> Гоголева А.В. Аддиктивное поведение и его профилактика. – М.; Воронеж: 2002. – С. 112 – 113.

психоактивных веществ. Выдавливание наркомана из нормального общества приговаривает его к жизни в среде, которая в психологическом смысле разрушает его сильнее, чем сам наркотик, но вне которой аддиктивная личность уже не способна существовать»<sup>7</sup>. Подобное отграничение формирует специфическую субкультуру, анализ которой заслуживает отдельного и полномасштабного исследования. Субкультура стабилизирует восприятие явления, обыкновенно воспринимающегося как отклонение, — она сама становится специфической реакцией на поведение общества и продуцирует дискоммуникацию между аддиктивной личностью и разными уровнями её социального окружения. То есть аддикт чувствует себя «врагом общества»<sup>8</sup> и в социальном и в ментальном плане, который, будучи укоренённым в глубинных слоях культурной организации, вызывает «внутриличностную диссоциацию»<sup>9</sup> (между идеальными формами социо-культурного пространства, нормами, правилами и реальным фрустрирующим отношением). Негативные чувства в силу своей интенсивности могут вытесняться из плоскости сознания и на уровне неосознанных реакций распространяться на ближайшее окружение, приводя личность к социальной изоляции. По мере длительности психотравмирующей ситуации возрастает обнуляция (размытость, затуманивание) чувств и толерантность переживания негативных эмоций.

Некоторые исследователи относят аддикцию к «импульсивным неврозам, а состояние, предшествующее сложившейся зависимости, решающим фактором, инициирующим её возникновение»<sup>10</sup>. В символическом смысле аддикция является своеобразным выражением неупорядоченности личностной организации и неписанности её в имеющийся контекст социальных отношений за счёт сниженных адаптационных способностей, склонности к регрессивным формам реагирования, коммуникативной некомпетентности, эмоциональной незрелости, психосексуальной дезинтеграции, экзистенциального кризиса и т.д. В ходе развития аддикции личность подвергается серьёзной деформации и уже никогда не остаётся прежней.

Каким же именно изменениям подвергается личность в аддикции? В первую очередь это эмоциональное выхолащивание. Ощущение того, что эмоциональная чувствительность снизилась, невозможность войти в положение окружающих, сочувствовать и переживать, отзываться на ситуации, которые

до недавнего времени были значимы, побуждали к интеллектуальному, нравственному или волевому ответу. Постепенно симптоматические проявления усиливаются и приобретают более сложную форму, всё реже проявляются позитивные особенности и всё чаще негативные (раздражительность, резкость, пассивность, замкнутость). Кроме того, личность приобретает закрытость и непроницаемость для эмоционального отклика, что имманентно подтверждает нашу догадку о том, что аддикция и сформированные ею социальные отношения есть, по сути, вариация естественной психологической защиты! Причём дефицитарность эмоций не является исходным признаком, хотя если она подкрепляется на протяжении долгого времени (более 4 – 6 лет), то имеет все шансы закрепиться в качестве таковой. Особенно если индивид действует демонстративно и отстранённо. «Личностная отстранённость или утрата авторского стиля поведения проявляется в широком диапазоне поступков и реакций человека на текущую ситуацию, — она проникает в установки, принцип и ценностные ориентации личности»<sup>11</sup>. То есть возникает деперсонализационный репертуар на всех уровнях психической активности социального взаимодействия, нередко приводящий к невротоподобным и психопатологическим изменениям. Обычно такие симптомы образуются по принципу условно-рефлекторной связи негативного свойства (Amirkhan, 1988; Carver, 1989).

Степень нарушения межличностных отношений и психического благополучия может быть различной — от слабых проявлений, не вызывающих грубой дезадаптации, легко компенсирующихся [псевдокомпенсирующихся] объектом аддикции, до весьма значительных, постоянно приводящих к новым психотравмирующим ситуациям, что и свидетельствует о завершении формирования устойчивой зависимости. Данное различие не следует рассматривать как исключительно количественную выраженность одного и того же явления. «При развитии аддикции количественные изменения ряда психологических свойств в совокупности создают качественно новые состояния, проявляющиеся в широчайшем диапазоне»<sup>12</sup>. Можно констатировать, что возможность адаптации при сложившейся аддикции зависит от двух предпосылок: выраженности личностной устойчивости и внешних условий. Аддиктивная личность вполне может быть адаптирована в особых, искусственно созданных условиях. Было бы неверно трактовать аддиктивное поведение исключительно как ответную реакцию на стресс. Скорее можно предположить его роль в качестве пускового механизма, приводящего в действие уже имевшуюся предрасположенность. В целом, предрасположенность такого рода свидетельствует о наличии следующих черт: низкий самоконтроль, негативизм,

<sup>7</sup> Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. — М.: 2003. — С. 14 – 15.

<sup>8</sup> Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. — М.: 1999. — С. 124.

<sup>9</sup> Буковский С.Г. Экстравагантное действие как модус самостановления личности в социо-культурном пространстве // Самореализация личности в современных социо-культурных условиях. — СПб.: 2007. — С. 41.

<sup>10</sup> Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология. — СПб.: 1991. — С. 314.

<sup>11</sup> Maslach C., Schaufeli W.B., Leiter M.P. Job Burnout // Annual Review of Psychology. — 2001. — Vol. 52. — P. 397 – 422.

<sup>12</sup> Братусь Б.С. Аномалии личности. — М.: 1988. — С. 139.

тревога, чувство вины, неустойчивая Я-концепция, страх самовыражения, не умение рефлексировать собственные поступки и переживания, заниженный уровень ответственности, склонность к аффективным «вспышкам». Для нас очевидно, что аддикция является дисфункциональным поведением, предпосылки которого следует искать в раннем детстве, – «поведением, возникающим вследствие незавершённости решения одной или более задач развития личности»<sup>13</sup>. Зачастую такие люди подвергались длительному воздействию навязанных и угнетающих правил, которые препятствовали открытому самовыражению и разрешению конфликтов. Профессор Э.Ларсен замечает, что и в случае созависимости (ко-аддикции) имеет место выученный, устойчивый паттерн или дефект личности аутодеструктивного характера, который приводит к искажению взаимоотношений. Чрезвычайно трудно охватить все грани и дефиниции такого полидетерминированного феномена как личностная аддиктивность и её влияние на специфику социально-психологических отношений, что не отменяет необходимости его понимания в целях создания действенных психокоррекционных моделей. Так мы хотели бы определить прикладное значение наших теоретических изысканий в постоянно изменяющихся условиях нынешней социальной ситуации.

Исследователи разных школ социальной психологии в рамках собственного видения отношений личности вводят в качестве категорий анализа установки, диспозиции, потребности, мотивы, цели, ценности. «Каждая из этих концептуальных схем, означающих выбор нового угла зрения и новых понятий для осмысления одной и той же реальности, пытается по-своему определить вершину иерархической структуры, наиболее существенный и глобальный регулятор наивысшего уровня организации во всём её объёме»<sup>14</sup>. В.Н.Мясищев считает основной определяющей категорией отношение. Личностная структура, по его мнению, определяется иерархией системы отношений личности, ими же регулируется и деятельность в целом. В соответствии с этим, высшим уровнем регуляции в концепции Мясищева является «уровень отношений; средний уровень, называемый им конкретно-личным, определяется симпатиями, антипатиями, утилитарными интересами личности; низшему, витальному уровню соответствуют ситуативно обусловленные отношения, связываемые с поддержанием жизнедеятельности»<sup>15</sup>. На вершине диспозиционной иерархии находится система отношений к общим целям жизнедеятельности, играя решающую роль в регуляции поведения на разных уровнях социальной активности.

<sup>13</sup> Уайнхолд Б., Уайнхолд Д. Освобождение от созависимости. / Пер. с англ. Е.Шпараги. – М.: 2002. – С. 218.

<sup>14</sup> Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии мышления // Психол. журн. – 1994. – Т. 15. – № 4. – С. 39 – 55.

<sup>15</sup> Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и её место в психологии. Личность и неврозы. – Л.: 1960. – С. 209.

Система социально-психологических отношений для аддиктивной личности вообще выступает как плоскость единственной связи с объективной реальностью, включая свои возможности, способы реализации этих возможностей. Чтобы активировать внутренние ресурсы приходится принимать внутренние нормы социальной ответственности, а это очень тонкий момент в контексте рассматриваемой нами проблематики! Нормы ответственности выполняют функции регулирования всей предметной деятельности и внутриличностных процессов. Сформировав отношения к целостной социальной общности в процессе коммуникации, они становятся достоянием самосознания, фактором связи с фрагментами реальности, не затрагиваемыми аддиктивностью. Принято считать, что главенствующую роль здесь играют макроуровневые факторы, но мы склоняемся к той точке зрения, что акцент следует делать на индивидуальных механизмах трансформации социальных воздействий (аддиктивной среды) в интраиндивидуальные детерминанты конечной зависимости. У аддикции есть «свой метод» преобразования социальных отношений в патологизирующие структуры и понять его – значит понять сущность такого феномена как «аддиктивная личность» и выявить способы его психокоррекции!

Наиболее деструктивной и общераспространённой на сегодняшний день нам видится алкогольная зависимость и её социально-психологические последствия. Даже преодолев физическую зависимость, «аддикт оказывается в изоляции, утратив социальные связи, зачастую неспособный отказаться от алкогольного образа жизни (Lanham, 1994) и включиться в реабилитационные мероприятия»<sup>16</sup>. Для этого необходимо обеспечить инновационное понимание социально-психологических условий активации личностного потенциала в соответствии с теми нормами действующего законодательства, которые, в свою очередь, призваны обеспечить грамотное взаимодействие социума с аддиктивной личностью.

Итак, регрессивные тенденции при аддиктивных новообразованиях личности, неестественных по своей природе, следует корректировать посредством изменения социальной мотивации, а так же социальных отношений, приведших к кризису и невозможности социализации. Изменение направленности и содержания личностных отношений и их иерархии предполагается осуществлять с помощью специфических социально-психологических механизмов, основанных на теоретически значимых моделях осмысления аддиктивного поведения как сложного психологического образования. Сегодня, учитывая масштаб проблемы, это необходимо больше, чем когда-либо.

<sup>16</sup> Rendall T., Crabtree D., Antrim L. Relations between personality measures and physiological reactivity using a perceptual motor challenge // Perception & Motor Skills. 1999. Vol. 69, № 3. – Pp. 302 – 317.

## **ADDICTIVE PERSONALITY: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL RELATIONSHIPS FEATURES**

2009 M.V.Sidorin<sup>o</sup>

Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky

The article is devoted to the peculiarities of an addictive person's social-psychological relationships. Personality traits of people with drug (alcohol) addiction are determined. It is noticed that social adaptation takes a central position in the system of rehabilitation measures. Burning directions of research are designated.

Key words: social-psychological features of a person, relationship, addictive behaviour, social space, alcohol addiction, adaptation.

---

<sup>o</sup> *Sidorin Michail Vladimirovich, Psychologist of the Samara regional narcological dispensary, Degree-seeker student of the Psychology department. E-mail: [mih.sidor@mail.ru](mailto:mih.sidor@mail.ru)*